

УДК 81'116:81'114.2

АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ЗАЛИЗНЯК. АБСТРАГИРОВАТЬСЯ ОТ ЛИШНЕГО

А. В. Циммерлинг^{1, 2, 3}

¹ Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
117485, Россия, Москва, ул. Волгина, 6

² Институт языкознания РАН
125009, Россия, Москва, Б. Кисловский пер., 1

³ Московский педагогический государственный университет
119991, Россия, Москва, ул. М. Пироговская, 1, стр. 1

Поступила в редакцию 17.09.2019 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-1

В перспективе специализации лингвистических и филологических дисциплин обсуждается научное творчество одного из крупнейших лингвистов XX века А. А. Зализняка (1935 – 2017), автора основополагающих работ в области русского и древнерусского языков. В разные годы А. А. Зализняк занимался вопросами морфологии, синтаксиса, акцентологии и исторической грамматики, что создает внешнее ощущение, будто фокус его интересов сместился со структуралистского описания парадигм к историко-филологическому анализу конкретных текстов. В действительности во всех работах А. А. Зализняка пользуется одним и тем же основным методом — извлечением правил из массивов языковых данных и приложением этих правил к конкретному множеству текстов, то есть построением и проверкой предиктивной модели в смысле естественных наук. Эффективность моделей А. А. Зализняка объясняется тем, что он не закладывал в свои гипотезы избыточной информации и умел отделять вопросы грамматического описания, связанные с выделением операциональных правил, от сопутствующих аспектов изучения языка и проблем историко-филологического комментария. Поэтому, хотя сам А. А. Зализняк избегал программных деклараций о системности языка и не формулировал интегральных теорий, его можно охарактеризовать как последовательного структуралиста, придерживавшегося естественнонаучного идеала доказательности.

Ключевые слова: А. А. Зализняк, структурализм, грамматика, предиктивная модель, верификация, доказательность.

Этот короткий текст — не дань памяти и не выражение личного отношения. Это размышления о научном творчестве одного из величайших лингвистов XX века. Обоснованность оценочных суждений о «хороших» и «плохих» лингвистах является одной из тем данной заметки, но мы позволим себе считать, что принадлежность Зализняка к тем

лингвистам XX века, чьи достижения в наибольшей степени заслуживают обсуждения, уже установлена другими людьми. Тем не менее правомерен вопрос, в чем состоит специфика подхода Зализняка и как ее измерить.

Гениальность Зализняка и его превосходство над коллегами, возможно, ярче всего проявились в вещах, которыми он занимался в разные годы своей жизни, — составлении лингвистических задач олимпиадного типа (Зализняк, 1963) и реконструкции текста и смысла берестяных грамот (тоже своего рода лингвистические задачи, по крайней мере, Зализняк публично представлял расшифровку грамот алгоритмически). Но его основной вклад все же не в этом, а в описании грамматики естественного языка.

Лингвистика — это наука о языке, объекте с вполне определенными свойствами, требующими точно определенных методов, а не произвольных деклараций о природе человека, когнитивных способностях, особенностях знаковых систем и т. п. И это наука, которая должна быть доказательной. В плане доказательности наследие Зализняка обсуждается С. А. Крыловым, который делит творчество Зализняка на периоды сообразно характеру доказательств (Крылов, 2019). Возможно, эта рубрикация верна, хотя над некоторыми формулировками стоит подумать. Но я хочу сказать о другом. Все научное наследие Зализняка едино, и он всю жизнь делал одно и то же — извлекал правила из массивов языковых данных (текстов). Это коротко называется одним словом — «грамматика». При этом Зализняк почти не делал экскурсов в другие области лингвистики. Последнее утверждение может показаться чрезмерным, поэтому мы развернем аргументацию более подробно.

1. Зализняк никогда не занимался лексикографическим портретированием, структурой значения слова и (теоретической) семантикой как таковой. Фундаментальный словарь (Зализняк, 1977), сделанный в докомпьютерную эпоху вручную, — это грамматический словарь, списки парадигм. Очерк о древнерусской частице *ти* в (Зализняк, 1993, с. 298—308) — это просто перечень контекстов, где она употребляется, с указанием (без иллюстраций) на то, что похожая частица есть в другом языке (арабском). Семантика вроде бы присутствует в «Русском именном словоизменении» (Зализняк, 1967; Зализняк, 2002) во вступительном очерке и при обсуждении модели падежа (Зализняк, 1974), но это сугубо технический момент. По определению, у разных граммем падежей должны быть нетождественные значения, не важно, в чем они состоят и как измеряются. В спорных случаях, где формальные критерии не дают однозначного ответа, имеем ли мы дело с одним и тем же падежом, или с двумя разными, семантика в модели Зализняка не дает ключа: для предполагаемых разных падежных форм (например, А — формы «солдата» в контексте «сапог солдата» и В — «солдата» в контексте «четыре солдата») можно постулировать разные значения А и В, но вопрос о том, являются ли А и В реализацией одного общего значения С, будет решаться по-разному, в зависимости от того, сочтем ли мы уместным объединить а и b в один общий ряд падежных форм или развести их.

2. Зализняк почти не занимался фонетикой, по крайней мере, синхронной. Его акцентология (Зализняк, 1985) — не фонетика и не фонология, а акцентная грамматика, правила выбора акцента/ударения в словоформе. В «Древненовгородском диалекте» (Зализняк, 1995; Зализняк, 2004) описываются звуковые особенности древнего языка на основе сохранившихся письменных памятников этого языка и иногда привлекаемых для контроля данных современных диалектов. Это историческая фонетика. Но и здесь о собственно фонетических механизмах и причинах звуковых изменений мы не находим практически ничего: редуцированные в середине слова просто были до определенного момента, а потом исчезли, при этом обнаруживается период примерно в сто лет, когда они произносились и фиксировались на письме факультативно. Фонетические сущности — бледные тени в его описании. Он объясняет случай постановки древнерусских энклитик после непервого фонетического слова неким эффектом ритмико-синтаксического барьера, который мешает энклитике примкнуть к первой ударной словоформе, и доказывает, что эффект барьера совместим с главным принципом расстановки сентенциальных энклитик — законом Вак(к)ернагеля (Зализняк, 1993, с. 281—283; Зализняк, 2008, с. 23—27). Это важное и перспективное наблюдение, правда, оно практически в те же годы на материале других языков было сделано и другими учеными. Но Зализняк ничего не говорит о том, как реализуется барьер фонетически. Он уклоняется даже от отождествления барьера с факультативной паузой после ударной словоформы. Позиция, достойная уважения, поскольку он не знает, как проверить наличие паузы в письменных текстах. Но имеющая и свои минусы, так как эффект барьера прослеживается в большом числе живых и мертвых языков, поэтому желательно было бы найти общее объяснение либо в фонетике, либо в чем-то еще, например изучить коммуникативную структуру предложений с барьером и клитиками, что до известного предела можно делать и на основе текстов мертвого языка, если понятен контекст. Кое-какие наброски в этом направлении в работах Зализняка есть, но он их никак не развивает.

3. Зализняк почти не занимался типологией и контрастивной лингвистикой, хотя хорошо знал много языков и даже преподавал некоторые из них: санскрит, арабский, венгерский. Написанная в соавторстве статья об относительном предложении (Зализняк, Падучева, 1975) — знаменательное исключение. Данная статья, конечно, тоже предлагает грамматическое описание, но уже на базе открытого класса языков мира, где прослеживаются выделенные авторами структурные типы относительного предложения. Другая совместная статья с тем же соавтором (Зализняк, Падучева, 2013) посвящена инициальному отрицанию в старославянском и древнерусском языках. В начале авторы бегло упоминают о том, что инициальное общее отрицание есть также в санскрите, но не развертывают эту параллель. А другая напрашивающаяся и известная авторам параллель — с современным болгарским языком — по не эксплицированным в статье причинам не упомянута вообще. Не рассматривается в статье и вопрос о том, возник ли описываемый принцип постановки начального отрицания в древнерусском и старославянском языках независимым образом.

4. Статистика в работах Зализняка не играет существенной роли, он почти всегда опирается на детерминистские модели. Утверждение, будто в поздний период своей научной работы он переориентировался на доказательства, связанные с корпусными методами и историческими корпусами текстов (Крылов, 2019), может быть принято лишь с большой оговоркой. Дело не только в том, что исторические корпусы текстов русского языка в 1990-е и 2000-е годы отсутствовали или были несовершенны. В случае берестяных грамот, да и при проверяемых в (Зализняк, 2007) чертах древнерусской грамматики, отраженной в «Слове о Полку Игореве», выгрузка, то есть сам виртуальный «корпус», зачастую столь мала, что трудно говорить о статистике. В книге о древнерусских энклитиках (Зализняк, 2008) статистика дается в связи с проверкой двух параметров — употреблений полной и краткой (энклитической) форм местоимений и линейной позиции местоименных и связочных энклитик. Но и здесь, что характерно, Зализняка интересуют прежде всего стабильные состояния в начале и конце временного периода, а не варьирование в середине. На основе его моделей вполне можно изучать и варьирование на большем объеме текстов. Но это уже задача, которую он оставил нам.

5. Был ли Зализняк сравнительно-историческим лингвистом? По воспитанию и школе, безусловно, да. Его аспирантская работа, написанная под руководством А.И. Смирницкого, посвящена варьированию основ сильных глаголов в древних германских языках. Но к этому сюжету он быстро утратил интерес (есть биографические свидетельства) и никогда впоследствии не возвращался. Познания в индоевропеистике были для него базой, которая редко актуализировалась в его собственных исследованиях, за вычетом истории акцентных парадигм в славянских языках.

6. Зализняк не занимался филологией и историко-филологическим комментарием. Он был знатоком древнерусских текстов и часто приводил примеры из Киевской и 1-й Новгородской летописей, но в его работах нет рассуждений о том, что такие-то и такие-то разделы этого памятника записаны тогда-то и там-то человеком с такими-то политическими симпатиями и т.п. При интерпретации новгородских берестяных грамот, то есть восстановлении смысла текста на древнем языке, отдельные слова, грамматические конструкции и стилистика которого могут быть нам точно неизвестны, он вынужден восстанавливать и саму экстралингвистическую ситуацию. Но надо понимать, что соображения о том, *Шюйга* ли первым ограбил *Илийцу* или наоборот (грамота Тверь №5), какой орган — мужской или женский — стоит за словом *сткыле* в грамоте №995 и т.п. едва ли были у Зализняка мотивом для реконструкции фонетики, морфологии и синтаксиса грамот. Он не подтаскивает лингвистическую интерпретацию под историко-филологические соображения, например *Литва встала на Корелу* в таком-то году, что-то у них в походе произошло, наверное, это тот самый эпизод, который упоминается в таких-то книгах и т.п. Зализняк вначале предлагает реконструкцию сообщения как текста на древнерусском языке, а затем смотрит, в каком контексте это сообщение могло быть уместным.

Разграничение лингвистики и филологии, впрочем, остается предметом дискуссии, это отдельная тема. Отстаиваемый Зализняком принцип дешифровки, основанный на позиции доверия к писцам бытовых грамот, — «больше одной описки на грамоту обычно не бывает» — кто-то, возможно, сочтет филологическим.

К этому можно добавить, что Зализняк, к счастью, рано получил прижизненный статус великого ученого и академические регалии, что избавило его от протокольного общения с членами лингвистического сообщества и траты времени на обсуждение работ классиков, а также всего, что связано с лингвистической модой, из какой бы страны она ни шла. Он охотно этим пользовался и вел диалог с памятниками, словарями и грамматическими описаниями, а не с рядовыми коллегами. Порой он упоминает плохие или устаревшие работы, например штудии Г. Гуннарссона о древнерусском *-ся*, просто потому, что они сеют предвзвешенные и мешают возобладать правильной точке зрения. Но это, скорее, исключение. Я уверен, что он не стал бы по доброй воле читать большинство обсуждаемых в (Зализняк, 2007) работ о «Слове о Полку Игореве» и останавливаться на ошибках, наивных утверждениях и недоказуемых декларациях авторов многих из них, если бы внезапно не осознал, что может на основе лингвистически строгой процедуры обосновать подлинность «Слова» и его датировку последней четвертью XII века. Вся эта книга обсуждает немало филологических деталей, вроде гиперкорректной замены /ь/ на /ъ/, переписывания «Ипатьевской летописи» на Северо-Западе Руси и т.п. Но это — именно взгляд лингвиста на смежные дисциплины. И более того, — взгляд ученого, стремящегося к естественнонаучному уровню доказательств, на проблему, которая долгое время была предметом обывательских суждений и произвольных оценок гуманитариев. За строгое доказательство — и я боюсь, что именно за доказательство подлинности «Слова», ведь оно приятно национальной гордости, Зализняк получил Солженицынскую премию. Сам он в своей речи при вручении премии говорил, что когда приступал к работе, ему было все равно, подлинный ли это памятник или нет, лишь бы это положение можно было доказать. После вручения премии старые друзья сказали Зализняку, что он «мог бы навязать себя обществу в гораздо большей степени». Это было бы, добавим, хорошо для общества и для лингвистического сообщества в частности. Но сам Зализняк был чужд мессианизму. Вряд ли его особо задевало то, что в некоем городе он не слышит таким же авторитетом, как в Москве, или то, что в целом ряде англоязычных стран отдельные люди, которые пишут про историю редуцированных или о клиниках в древних славянских языках, пребывают в неведении относительно работ Зализняка потому, что эти работы написаны не по-английски и изданы не в Оксфорде, Кембридже или MIT.

Возвратимся «на преднее». Андрей Анатольевич Зализняк всю жизнь занимался извлечением грамматических правил из массивов языковых данных новых и древних языков, а также эволюцией правил выбора акцента в диахронии. Метод не менялся, менялись его прило-

жения. Зализняк жестко отделял синхронное грамматическое описание одного или нескольких языков как задачу, автономную от фонетики, лексикологии, количественной лингвистики и филологического анализа и лишь изредка делал экскурсы в области типологии и компаративистики. Такой подход в его руках оказался эффективен и привел к ряду поразительных достижений — от построения формальной модели падежа до доказательства действия закона Ваккернагеля в древнерусском языке и доказательства подлинности «Слова о Полку Игореве».

Остается пара вопросов. А в чем были идеи Зализняка? Может быть, их и не было? Может быть. Ведь нельзя же всерьез считать «идеями» тезис о том, что в русском языке 11 или 14 падежей или доказательство того, что древнерусская частица *ти* стояла в цепочке энклитик перед *бы*, а омонимичное ему древнерусское местоимение *ти* — после *бы*? Это не идеи, а выводы, основанные на применении эксплицитно указанной процедуры анализа. Общая идея, если она вообще просматривается, состоит в том, что язык устроен как структурный объект, что позволяет извлекать из него грамматические правила так, как это и делал Зализняк.

И последний, неприятный для нас, живущих, вопрос. А являются ли лингвисты, у которых есть идеи, «хорошими»? Каждый может предложить гениальную идею. Или, на худой конец, следовать чужой гениальной идее. Примеров много: «грамматическая способность (не) является врожденной», «значения сложных выражений образуются (не) аддитивно», «существует строго ограниченное число универсальных дифференциальных признаков фонем, которые выделяются во всех языках», «все лексические понятия во всех языках мира сводимы к одному и тому же набору семантических примитивов», «синтаксическая структура разворачивается только в одну сторону, а остальное — обман зрения», «синтаксис естественного языка, геном и музыкальный текст строятся одинаково» и т. д. и т. п.

«Хороший лингвист», конечно, — нестрогая оценка. Но если мы знаем таких хороших лингвистов, как Зализняк, вправе оценивать и остальных.

Список литературы

- Зализняк А. А. Лингвистические задачи // Исследования по структурной типологии. М., 1963. С. 137–159.
- Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Зализняк А. А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // Проблемы грамматического моделирования / ред. А. А. Зализняк. М., 1973, С. 53–87.
- Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.
- Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зализняк А. А. Лингвистические исследования // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984–1989 гг. М., 1993. С. 191–319.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. С приложением избранных работ по русскому языку и общему языкознанию. М., 2002.

- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
 Зализняк А. А. «Слово о Полку Игореве». Взгляд лингвиста. М., 2007.
 Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008.
 Зализняк А. А., Падучева Е. В. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. Вып. 6: Грамматические и семиотические проблемы. 1975. С. 51–101.
 Зализняк А. А., Падучева Е. В. Об инициальном отрицании в древнерусском и старославянском // Падучева Е. В. Русское отрицательное предложение. М., 2013. С. 290–303.
 Крылов С. А. Специфика грамматической концепции А. А. Зализняка // Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии. Памяти Андрея Анатольевича Зализняка : тез. докл. междунар. науч. конф. (27–29 мая 2019 г.). URL: http://www.ruslang.ru/doc/anno_grammar2019.pdf (дата обращения: 15.07.2019).

Об авторе

Антон Владимирович Циммерлинг, главный научный сотрудник, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Россия; профессор, Московский педагогический государственный университет, Россия.

E-mail: fagraey64@hotmail.com

Для цитирования:

Циммерлинг А. В. Андрей Анатольевич Зализняк. Абстрагироваться от лишнего // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №2. С. 9–17. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-1.

ANDREJ ZALIZNJAK CUTTING OFF THE UNNECESSARY

A. V. Zimmerling^{1, 2, 3}

¹ Pushkin State Russian Language Institute
6 Volgina St., 117485, Moscow, Russia

² Institute of Linguistics, Russian Academy of Science
1 Bol'shoj Kislovskij St., 125009 Moscow, Russia

³ Moscow Pedagogical State University
1 Mal'j Pirogovskij St, block 1, 119991, Moscow, Russia

Submitted on August 1, 2019
doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-1

This paper offers a polemic linguistic and philological view on the scientific heritage of one of the most prominent linguists of the 20th century, Andrej A. Zaliznjak (1935 – 2017), who authored fundamental works on the Russian and Old Russian languages. In different years, Zaliznjak addressed issues in morphology, syntax, accentology, and historical grammar. This apparent variety of his research interests gives an impression that Zaliznjak moved from purely structural paradigmatic descriptions to merely historical-philological analysis of specific texts. Zaliznjak basic method, however, remained unchanged throughout his life. His descriptions were always rule-based: he extracted rules from language data and tested them

on a specific collection of texts. Zaliznjak's rules can, therefore, be identified with predictive models in the sense adopted in natural sciences. His models gave accurate results since Zaliznjak had a rare gift of cutting off all kinds of redundant information in his rule-based grammatical descriptions and kept the latter apart from other linguistic issues as well as from historical-philological commentary. Although Zaliznjak himself stayed away from programmatic declarations about the language structure and avoided developing integral theories of language, he can be called a consistent structuralist who successfully applied natural science criteria to linguistic evidence.

Keywords: Andrej A. Zaliznjak, structuralism, grammar, predictive models, verification, natural science explanations.

References

- Zaliznyak, A. A., 1963. Linguistic problems. In: T. N. Moloshnaya, ed. *Issledovaniya po strukturnoi tipologii* [Studies in Structural Typology]. Moscow. pp. 137–159 (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A., 1967. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian Nominal Declension]. Moscow (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A., 1973. On the Notion of "Case" in Linguistic Descriptions. In: A. A. Zaliznyak, ed. *Problemy grammaticheskogo modelirovaniya* [Problems of Grammatical Modeling]. Moscow. pp. 53–87 (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A., 1977. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka* [Grammatical Dictionary of the Russian Language]. Moscow (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A., 1985. *Ot praslavyanskoi aktsentuatsii k russkoi* [From the Common Slavic Accent to Modern Russian Accent]. Moscow (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A., 1993. Linguistic investigations. In: V. L. Yanin and A. A. Zaliznyak, eds. *Novgorodskie gramoty na bereste. Iz raskopok 1984–1989 gg.* [Novgorod Birch Bark Letters from the Excavations of 1984–1989]. Moscow. pp. 191–319 (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A., 1995. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod Dialect]. Moscow (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A., 2002. *Russkoe imennoe slovoizmenenie. S prilozheniem izbrannykh rabot po russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiyu* [Russian Nominal Declension. With an Appendix Containing Selected Papers in Russian and General Linguistics]. Moscow (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A., 2004. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod Dialect]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A., 2007. «Slovo o Polku Igoreve». *Vzglyad lingvиста* [«Slovo o Polku Igoreve». A Linguist's View]. Moscow (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A., 2008. *Drevnerusskie enklitiki* [Old Russian Enclitics]. Moscow (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A. and Paducheva, E. V., 1975. On the Typology of the Relative Clauses. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics], 6, pp. 51–101 (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A. and Paducheva, E. V., 2013. On initial denial in Old Russian and Old Slavonic. In: E. V. Paducheva, ed. *Russkoe otritsatel'noe predlozhenie* [Russian negative sentence]. Moscow. pp. 290–303 (in Russ.).
- Krylov, S. A., 2019. The specifics of the grammatical concept of A. A. Zaliznyak. In: Anon, ed. *Grammaticheskie protsessy i sistemy v sinkhronii i diakhronii. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Grammatical processes and systems in synchrony and diachrony. Theses of reports of the international scientific conference]. 27–29 May 2019. Moscow, Vinogradov Institute of the Russian Language, RAS (in Russ.).

The author

Anton V. Zimmerling, Leading Research Fellow, Pushkin State Russian Language Institute; Leading Research Fellow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Science; Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia.

E-mail: fagraey64@hotmail.com

To cite this article:

Zimmerling, A.V. 2020, Andrej Zaliznjak: cutting off the unnecessary, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 2, p. 9–17. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-1.